

Е. И. ДРУЖИНИНА

Ф. К. ВАЙСКОПФ В СССР (1932 г.)

Пролетарский писатель-антифашист Франц Карл Вайскопф, неоднократно посещавший Советский Союз, с большим интересом относился к жизни отдельных народов нашей страны и разрешению национального вопроса в условиях социалистического строя. Помимо чувства интернационализма, присущего ему как коммунисту, этот интерес объяснялся некоторыми особенностями формирования Вайскопфа как писателя и общественного деятеля.

Ф. К. Вайскопф родился в 1900 г. в Праге, входившей в состав старой Австро-Венгерской монархии, распавшейся на его глазах под влиянием первой мировой войны. Родным языком его отца был немецкий, а мать происходила из чешской семьи г. Табора. С раннего детства Вайскопф впитывал впечатления разных национальных культур. «Он вошел в литературу как продолжатель не только немецкой и австрийской, но и прогрессивной чешской литературной традиции»¹. Писатель владел западноевропейскими, а также славянскими языками: чешским, словацким, русским.

В конце первой мировой войны, не успев окончить гимназию, Вайскопф должен был стать солдатом австрийской армии. Фронтная обстановка имела большое значение для формирования у него антивоенных и социалистических взглядов. В 1919 г., поступив в Пражский университет (по специальности история и германистика), Вайскопф втягивается в социалистическое движение молодежи, становится левым социалистом, и, наконец (в 1921 г.), членом Коммунистической партии Чехословакии, в создании которой он активно участвовал.

В 1923 г. вышла в свет первая книжка Вайскопфа — «Бьет барабан». Это был сборник антивоенных стихов — собственных и переведенных с чешского и словацкого. Впоследствии за свои переводы с этих языков Вайскопф получил чехословацкую премию имени Гердера, которая присуждается авторам, способствующим укреплению дружбы народов.

В 1920-х годах Вайскопф начал выступать в печати как друг Советского Союза. В связи с этим он неоднократно подвергался судебным преследованиям и даже тюремному заключению.

Переселившись в Берлин в 1928 г., Вайскопф становится членом Союза пролетарских революционных писателей. Здесь он вынашивает замысел крупных романов, посвященных упадку Дунайской монархии («Прощание с мирной жизнью», «В бурном потоке»), и антифашистского романа «Лисси». Отсюда он в 1932 г. отправляется в путешествие по СССР в сопровождении своей жены — писательницы Алекс Веддинг. вполне разделявшей все его убеждения. Эту поездку, вспоминает А. Веддинг (Грета Вайскопф), «мы предприняли без официального приглашения и по нашему собственному плану»². Они пробыли в СССР с апреля по сентябрь 1932 г. и проделали путь в 18 тыс. км (большой частью в жестком вагоне, а в ряде случаев на телегах и верхом). Заключительным этапом их путешествия был Горный Алтай, расположенный на границе Монголии и Китая. Именно этот этап является предметом данной статьи.

¹ Из предисловия к книге: Ф. К. В а й с к о п ф. Прощание с мирной жизнью. М., 1968, стр. 6.

² Послесловие Греты Вайскопф к книге: F. C. W e i s k o p f. Umsteigen ins 21. Jahrhundert (далее — G. W e i s k o p f. Nachwort). Berlin, 1960, S. 245.

Друзей Советского Союза манили не столько красоты Алтая, сколько возможность посмотреть, как меняется жизнь народа, стоявшего накануне Октября на одной из самых низких ступеней развития. Им хотелось конкретно представить себе, как осуществляется переход от полупатриархальных и полуфеодальных отношений непосредственно к социализму, минуя капитализм. В Горно-Алтайской автономной области³ путешественники провели почти целый месяц, с 27 июня по 21 июля. «Нашим гидом, — вспоминает Грета Вайскопф, — был бывший пастух Адыок, учившийся в Москве в Коммунистическом университете трудящихся Востока и вернувшийся на родину в качестве учителя. Он знал названия неизвестных нам цветов, деревьев и снежных вершин. Он хорошо понимал людей и их язык, знал, что они думают и чувствуют. Он познакомил нас со своей собственной жизнью и историей своего народа, с песнями, сказками и легендами. Он поведал нам о первых шагах ойротов на пути к светлому будущему. Целый месяц путешествовали мы вместе с Адыоком верхом на конях по альпийским лугам и горным хребтам его родины. Мы питались бараниной, пили алтайский чай с маслом и солью, а также пенящийся кумыс⁴. Мы спали у костров на широких мягких шкурах под синим кобальтовым небом, усеянным множеством звезд»⁵.

Именем Адыок, т. е. Безымянный, называл себя талантливый сын алтайского народа, впоследствии известный писатель-фольклорист, Павел Васильевич Кучияк. Он был на три года старше Ф. К. Вайскопфа и, хотя не получил законченного образования, первые шаги на литературном поприще уже сделал. Когда через пять лет во время моей научной поездки на Алтай меня познакомили с П. В. Кучияком, это был самый популярный человек в среде своего народа⁶. Он владел различными литературными жанрами и уже приобрел известность как автор ряда художественных произведений, основной темой которых был перелом в жизни и сознании алтайского народа, вызванный Великой Октябрьской социалистической революцией. Кучияк рассказывал мне о своем участии в работе I съезда советских писателей, о встрече с М. Горьким и его совете писать историю алтайского народа. Кроме работы над собственными стихотворными и прозаическими произведениями, писатель объезжал (а чаще обходил) алтайские села, собирая и записывая фольклор и выявляя народные таланты. С именем П. В. Кучияка связано рождение алтайского театра, в котором он был режиссером и ведущим актером и для которого писал пьесы из алтайской жизни. Наконец, он был также композитором и исполнителем особого, известного только на Алтае, многоголосного пения «кая».

Мои личные впечатления об Алтае и о П. В. Кучияке вполне подтверждают точность сообщений Ф. К. Вайскопфа в его репортаже «Будущее в строительных лесах». Эта книга вышла в СССР на немецком языке; она осталась малоизвестной советскому читателю и является сейчас библиографической редкостью⁷.

Следует отметить, что, путешествуя по Алтаю, Вайскопф имел обыкновение ежедневно делать стенографические записи своих впечатлений и бесед, это повышает ценность его сообщений как исторического источника. Высокообразованный марксист, он умел во всем подметить новое, растущее, развивающееся. При этом писатель сосредоточивал особенное внимание на людях — строителях прекрасного будущего. Художественный талант помогал Вайскопфу воссоздать выразительные портреты своих современников. «Глазами полными любви и понимания, — пишет Грета Вайскопф, — он видит прежде всего человека, который служит великому, бурно растущему делу; он показывает его на фоне конфликтов его времени, описывает особенности его характера и его индивидуальную судьбу»⁸.

Вайскопф донес до нас живой образ Кучияка не только в форме собственных наблюдений, вошедших в его книгу: он описал со слов своего алтайского друга всю его

³ С 1922 по 1948 гг. эта область называлась «Ойротской», а ее жители «ойротами». Затем было восстановлено самоназвание народа: алтайцы (здесь и далее — *прим. Е. И. Дружининой*).

⁴ Вероятно, имеется в виду чегень — молочный напиток, изготовленный с помощью особого грибка.

⁵ G. Weiskopf. Nachwort, S. 246—247.

⁶ См. воспоминания Е. И. Дружининой о П. В. Кучияке и его письма к ней (1937—1939 гг.) в журнале «Сибирские огни», 1967, № 5.

⁷ F. C. Weiskopf. Zukunft im Rohbau. M.-L., 1933.

⁸ G. Weiskopf. Nachwort, S. 245.

жизнь с детских лет до момента встречи. Немецкому коммунисту было ясно, что в этой биографии ярко отразился путь целого народа, шагнувшего через века. Запись Вайскопфа представляет несомненный интерес для исторической науки.

Мы приводим некоторые отрывки из записанного Вайскопфом рассказа П. В. Кучияка о его жизни⁹. Алтайский писатель чувствовал себя с немецкими друзьями просто и непринужденно. Об этом говорит и сама обстановка, в которой происходила беседа.

«...Однажды вечером, — пишет Ф. К. Вайскопф, — незадолго до окончания путешествия мы уже залезли под тулуп — широкую, лохматую шкуру, которая закрывала нас троих; костер догорал, его красноватые блики едва заметно мелькали на стволах кедров, лошади паслись вблизи; было слышно, как они жуют и сопят[...] В этот вечер Адыйок рассказал нам свою историю:

Родился я в Чепеше Чемальского аймака (района. — *Е. Д.*). Это было во втором месяце после нового года, в месяце Кочкор-Ай, который разрешает людям ставить на огонь два чугунных горшка, не рискуя чрезмерно выходить аил¹⁰. Был год Кабана¹¹, неблагоприятный для новорожденных, которых он обрекал на суровую жизнь. Когда в первую военную зиму (1914 г. — *Е. Д.*) монахи Чемала меня окрестили, они вычислили, что я родился в 1897 г. Так как мои старшие братья и сестры умерли вскоре после своего рождения, моя мать (ее звали Чечек, т. е. Цветочек) хотела дать мне какое-нибудь отталкивающее имя, чтобы злой дух Эрлик не обратил на меня внимания. Но мой отец [...] сказал, что я должен получить имя согласно обычаю от кого-нибудь из друзей, который придет к нам в гости.

Мы не были богатыми, не были и особенно бедными. У моего отца было четыре лошади, две коровы, пара ульев, кроме того, он высевал немного ржи. Я его плохо помню. Он умер, когда мне было восемь лет».

Отец Кучияка ушел в лес и не вернулся. Родные обратились за помощью к шаману (по-алтайски: кам), который за большую мзду объявил: для того, чтобы умиротворить злых духов, нужно принести в жертву белую лошадь. Мы опускаем описанную Вайскопфом во всех подробностях процедуру камлания, когда шаман при большом стечении народа бьет в бубен, выкрикивает заклинания и пляшет, доводя себя до состояния экстаза (он якобы вступает в сношения с духами). Последовавшая затем сцена жертвоприношения навсегда запечатлелась в детском сознании Кучияка как что-то страшное и жестокое:

«Мужчины бросились на лошадь, обвязали ей каждую ногу веревкой, повалили ее на землю и с громким криком начали тянуть за веревки. Животное взвыло, его рев был громче, чем крик мужчин; когда же оно вдруг смолкло, затихли и мужчины, было слышно только как хрустят разламываемые кости лошади. Я зажмурил глаза и закрыл лицо руками. Когда же я отнял руки от лица, с животного была содрана шкура, которая вместе с головой висела на жертвенном песте, врытом в землю под острым углом; казалось, она хочет улететь на небо. В больших деревянных котлах дымилась кровь; кам опустил в нее палец, чтобы помазать губы деревянной скульптуре на его барабане, изображавшей духа.

До самого вечера люди ели и пили. Мы ждали отца, но он не приходил. Кам пробыл у нас еще два дня, а затем уехал. Он сказал, что Эрлик, очевидно, не принял жертвы. Мы должны были дать ему еще большой ташаур араки, мешок ржи и двух баранов.

Через полгода после того, как был найден труп моего отца, мать вторично вышла замуж, а я перешел к деду Капшаю, имя которого означало Быстрый. Он как раз не-

⁹ F. C. Weiskopf. Zukunft im Rohbau, S. 126—144. Здесь, как и в других случаях, перевод с немецкого сделан автором статьи.

¹⁰ Аил — алтайское кочевое конусообразное жилище из досок и коры с земляным полом, очагом и отверстием наверху для выхода дыма.

¹¹ Поясняя это место, Ф. К. Вайскопф сообщает, что «до недавнего времени» у алтайцев не было непрерывного летосчисления. Они применяли систему 12-летних повторяющихся циклов, в которых каждый год имел свое название: год Змеи, Лошади, Овцы. Год делился на 12 месяцев, названия которых были связаны с хозяйственными процессами или важными для алтайцев явлениями природы, например Тулаан-Ай — месяц, в котором скот больше не должен добывать себе пищу из-под снега копытами.

задолго до этого принял христианство, что давало некоторые льготы в отношении податей, однако в его аиле все оставалось по-прежнему. На стенах висели тургусулар — изображения предков, сделанные из кусков кожи и тряпок; по требованию шаманов им нужно было приносить жертвы в случае болезни человека или его скота [...]

Мой дед был богат и очень скуп. С десяти лет я уже должен был помогать ему косить сено. Весною следующего года он отдал меня в пастухи. Я должен был вдвоем с одним стариком пасти 400 овец. Деньги получал мой дед. Пять лет я был пастухом, потом снова помогал по хозяйству дома. Когда в Куюме открылось духовное училище, священник потребовал, чтобы дед отдал меня в школу. Тот сначала не хотел об этом и слышать, но потом согласился под условием, что я и дальше буду работать по хозяйству. Я немного научился читать и писать, познакомился слегка с русским языком, однако обучение заключалось главным образом в громком чтении и повторении молитв и легенд о святых.

Через год к моему деду пришел священник из Чемала, ойрот Апанаев, и сказал: «Отдай нам своего внука, мы сделаем из него кара-абыса, т. е. черного (туземного) попа: он тогда будет за тебя молиться, а это будет хорошо для твоего тела и твоей души!» Дед мой как раз в это время излечился от тяжелой лихорадки и был уверен, что его спасла свеча, которую он поставил Чемальской богоматери; он согласился, и я поехал с попом в Чемал. В Чемале обосновались монахи Алтайской миссии. Они были очень богаты. Им принадлежали лучшие земли: сто лет назад, впервые появившись в Чемале, они воздвигли высокий деревянный крест и завладели всей землей, которую мог охватить глаз во все стороны от этого места. Между тем ойроты с незапамятных времен расставляли там свои летние аилы и косили луговую траву.

Поп Апанаев жил при монастырской школе. Меня поселили в сарае, и я должен был перед началом занятий и по окончании уроков колоть дрова и носить воду для монахов. Меня кормили на кухне, после того как поедят все другие, потому что я был еще «язычник», не был крещен и носил косу. Я не хотел, чтобы мне состригли косу, веря, что в ней живет душа, как учили камы, кроме того, моя мать и старший дядя советовали мне не делать ничего такого, что может впоследствии помешать мне стать камом. Однако через две недели дед пришел со мной повидаться и по требованию попа отрезал мне косу. И все-таки я должен был и дальше есть один на кухне... Особенно заманчивой была перспектива обедать со всеми вместе в комнате за накрытым столом. В конце концов я обрадовался, когда через полгода меня, наконец, окрестили. Через два дня после крещения поп избил меня палкой за то, что я сломал топор. А так как вдобавок я узнал, что должен в течение всех каникул работать (конечно, бесплатно) на монахов, то я убежал домой [...]

В последующие месяцы и годы я работал дровосеком. Разразилась война, требовалось очень много дерева, и рабочий получал несколько больше, чем раньше; но я должен был почти всю мою получку отвозить деду, который одолжил мне денег на уплату «черного налога» — карагалана¹².

В июне 1916 г., т. е. в возрасте 19 лет, меня женили. Еще задолго до этого дед и бабка настойчиво требовали, чтобы я украл себе жену. Все соседские парни поступали так: сначала они сами или их родители отыскивали невесту, сговаривались со своими друзьями и, улучив удобный момент, похищали девушку».

¹² При царе ойроты должны были платить налоги двух видов: государственные подати и подати родовые. Карагалан был государственной податью и поступал в царскую казну. Однако взимание карагалана осуществлялось уполномоченными родовых старшин — зайсанов. Последних на Алтае насчитывалось 13. Они возглавляли 57 ойротских родов, причем их звание переходило по наследству от отца к сыну, так же как и обязанности их заместителей, которых у каждого зайсана было по два и которые назывались «крыльями власти». Кроме карагалана, была еще ямская подать, шедшая в кассу зайсанов. Обе подати были подушными, они собирались только с мужчин (начиная с 16 или 17 лет) и могли уплачиваться деньгами, кедровыми орехами или беличьими шкурками. Если денег не было, сборы уплачивались баем или каким-нибудь богачом, который затем заставлял отрабатывать долг. Кроме царских и зайсанских податей, уполномоченные родовых старшин собирали подати в свою пользу, например брачные. (Прим. Ф. К. Вайсзонфа.)

Так как юноша уклонялся от выполнения просьб деда и бабушки, его перестали о чем-либо спрашивать. Ему попросту подыскивали невесту, сговорились о ее «цене» (калыме) и поставили перед совершившимся фактом.

«Только после уплаты калыма,— продолжает Кучияк,— мне позволили посмотреть на мою невесту. Она не была красива и была старше меня на пять лет. Сейчас она уже выглядит совсем старушкой; ей трудно понять все то, что происходило в последние годы; ей совершенно чуждо все то, что волнует меня сейчас. Она осталась темной и неразвитой, и временами мне бывает нелегко с ней жить. Но она — мать моих детей; у нее уже нет родителей, нет братьев и сестер, и она не виновата в том, что она так неразвита.

Вскоре после женитьбы я был мобилизован вместе со всеми мужчинами нашего района на дорожные работы в прифронтовой полосе. Впервые в жизни я видел места, где не было гор; впервые я видел города, железные дороги, автомобили, пароходы. Сначала мы строили шоссе около Минска и Бобруйска, потом перешли в кавалерийское депо. Мы жили очень обособленно, почти как пленные, тем более, что почти никто из нас не говорил по-русски настолько хорошо, чтобы объясниться с крестьянами, рабочими и солдатами, с которыми мы общались.

В мае 1917 г. нас отправили обратно. Только по пути из Белоруссии в Сибирь — этот переезд длился около четырех недель — мы узнали о том, что царь больше не правит и что в феврале совершилась революция.

Дома, казалось, ничего не изменилось. Только аил, в котором я жил со своей женой, был поврежден, причем в нем было теперь на одного человека больше: моя жена родила первого ребенка. Я исправил аил, привел в порядок лошадиный загон, вычистил хлев, переставил ульи, а затем собрал свои инструменты и снова стал работать лесорубом. Но так как работа эта оплачивалась все хуже, я ее бросил и стал сначала бочаром, потом сапожником. Одновременно я вел свое маленькое хозяйство, состоявшее из посевов ржи, пасеки, овец, лошадей и кур.

Мировые события меня не волновали. О том, что происходило в Сибири и даже на Алтае, я имел самое смутное представление. Об Октябрьской революции я узнал только через 5 или 6 месяцев. Газет у нас было, в Чемале я почти никогда не бывал. Из «табышей»¹³, которые приносили люди, приходившие в Чепош, было трудно что-нибудь понять. И хотя мы слышали о большевиках, о сибирских автономистах, об алтайском националистическом движении «Каракорум», о Колчаке и чехах, однако не знали чего они хотят и почему борются друг с другом [...] Чепош лежал в стороне от арены борьбы. Победоносным Советам приходилось преодолевать тысячи трудностей; построение нового государственного аппарата совершалось крайне медленно. Даже в поселке все оставалось по-старому: богатые стояли наверху, бедные оставались внизу; в новых кооперативах сидели старые каракорумцы, а сельсовет был в руках баев и зайсанов.

[...] Когда вскоре в Чепош прибыл представитель партии, искавший людей, которые создали бы Комитет бедноты и вели бы борьбу за удаление баев из Советов, я пошел к нему и отдал себя в его распоряжение. Меня избрали в Комитет и сделали секретарем, так как только я один мог немного читать и писать. Сначала мы не знали, с чего начать и что мы должны делать, но из Чемала нам присылали газеты и книги, а также агитаторов. Прислали и учителя, который учил не только детей: со взрослыми он проходил программу, включавшую чтение, письмо, счет и политграмоту. Перед выборами в Советы весь Комитет был вызван в Чемал. В течение двух дней мы наблюдали, как работают тамошний Комитет деревенской бедноты и Совет, слушали, как выступают на собраниях. По возвращении домой мы составили избирательный список и созвали собрание. Представитель Чемальского Совета произнес речь, после него я должен был впервые в жизни выступить на собрании. Я сказал слова два и запнулся; все рассмеялись, и все же наши кандидаты были выбраны, и сельский Совет перешел от баев в наши руки. Я был в числе избранных и стал писарем и секретарем Совета. Теперь уже я ежедневно читал газету и знакомил других членов Совета с письмами

¹³ Как разъясняет Ф. К. Вайскопф, «табыш» — это «известия, передаваемые из уст в уста во время встречи в горах, при обмене курительными трубками у костра, при посещении сельсовета или кооперативной лавки, это своего рода газета без бумаги и типографской краски».

и распоряжениями, которые присылались нам из Чемала и Улалы ¹⁴. Вместе с учителем я соорудил небольшую избу-читальню и постепенно стал втягиваться в чтение брошюр и книг о Советском государстве, о сельском хозяйстве, о том, что было в прошлом.

На следующий год, летом 1923 г., к нам приехала кинопередвижка. Моя жена не захотела смотреть «дьявольскую штуку»; она и меня убеждала не ходить туда, так как, по словам миссионера, епископа Макария, который ее крестил, все машины были выдумкой антихриста. Однако я туда пошел и убедился, что машины сделаны людьми; мне даже рассказали, где и как они были изготовлены. И когда я вечером пришел домой, я в первый раз не осенил себя крестным знаменем перед иконой. Жена сейчас же спросила, почему я не перекрестился. Я ответил: «Не хочу распугивать мух!» Это сорвалось у меня с языка как-то невольно, я вовсе не хотел этого сказать. Просто я рассердился, что мне задали такой вопрос, вот и выпалил. Жена закричала, что меня сию минуту убьет молния; я и сам ожидал, что случится что-нибудь ужасное, однако ничего не случилось. С этого дня я не думал больше о церкви, боге и святых. Вокруг меня было столько нового: поступали дальнейшие инструкции о работе сельсовета, указания насчет организации товариществ по сбору урожая и декреты о создании охотничьих артелей.

В последующие два года я в течение четырех недель обучался в Чемальской колхозной школе, а затем на курсах советских работников в Улале. Теперь я уже часто выступал на собраниях, причем не только в Чепеше, но и в близлежащих маленьких поселках. Я знал, как создать коллектив и как бороться с баями и их друзьями, которые пытаются вредить; как организовать избу-читальню и кружок по ликвидации неграмотности. Меня хорошо знали во всей округе, и каждый день кто-нибудь приходил ко мне посоветоваться по какому-нибудь вопросу.

В конце лета 1925 г. в разгар косовицы меня пригласили в Чемальский районный комитет партии: из Улалы пришло письмо о том, что я должен ехать в Москву в КУТВ. (Коммунистический университет трудящихся Востока). Меня спросили, согласен ли я. Я ответил, что не могу поехать: у меня трое детей, а скоро появится и четвертый. Кто же будет заботиться о моей семье? Кроме того, могут ли меня вообще принять в эту школу — я же беспартийный. Мне не смогли дать точных ответов на эти вопросы и направили в Улалу, в Исполнительный комитет. Я поехал с твердым решением сказать «нет». Однако председатель исполкома ойрот Алагызов отклонил все мои возражения: моей жене и моим детям, конечно, не придется голодать, а вопрос относительно моего приема — не моя, а его забота. Вечером он повел меня к себе домой. Мы всю ночь не ложились спать, пили чай, ели толкан, говорили и говорили. Алагызов указал мне на то, как неразвит и темен алтайский народ и сколько ему еще нужно учиться и навестывать, чтобы не отставать от своих братьев. Я начал понимать, что именно мы, т. е. те, которые уже что-то знали, должны учиться дальше, чтобы потом учить и просвещать других. Я понял также, какое счастье быть первым среди тех, кому предстоит выполнить этот долг.

[...] В Москве я сначала прошел подготовительные курсы, а затем поступил в университет. Учиться нужно было четыре года, однако меня уже через три года отозвали в Ойротию: слишком мало было там сколько-нибудь обученных культурных сил, нужен был каждый человек, повсюду не хватало учителей, секретарей в Советах, председателей кооперативов, директоров школ, организаторов колхозов, партийных работников.

Два года я работал заведующим юртой-передвижкой, проводившей пропагандистскую работу и учебные занятия в наиболее отсталых районах — Уймоне и Улагане. Нас было пятеро: женщина-врач, учитель, женщина-агроном, киномеханик и я. Мы делали прививки, обучали, создавали колхозы, читали доклады: о гигиене и земледелии, о социалистических формах труда и советском праве. Мы показывали фильмы и создавали кружки ликбеза. Мы вели борьбу против суеверий, детских болезней и кулацкой агитации. Это была трудная работа, но она была прекрасна. Временами казалось, что сердце не выдержит.

¹⁴ Деревня, затем маленький городок, ныне Горно-Алтайск, столица Горно-Алтайской автономной области.

Уже год, как я работаю учителем и заместителем директора высшей совпартшколы. Вступил ли я в партию? Да, в 1928 г. после моего трехлетнего пребывания в университете. Я преподаю историю, а также вопросы колхозного строительства и пропагандистской работы. Это тоже нелегкая, но и не менее прекрасная работа: я люблю ее, я счастлив, что она мне поручена. Только на один годик мне бы хотелось ее оставить, чтобы завершить свое образование в Москве.

Месяца два назад я попробовал описать, как жил бедный крестьянин и пастух раньше и как он живет сейчас. Получились две толстые тетради. Их послали в Новосибирск; недавно оттуда пришел ответ, что из того, что я написал, сделают книгу. Теперь я хочу попробовать написать такую историю, которую можно будет поставить на сцене. Театр у нас уже есть — в Ойрот-Туре — нет пока только пьес и нет артистов. Но через некоторое время у нас будет и то, и другое: ойротские пьесы и ойротские актеры — так же как у нас уже есть ойротские газеты, ойротские учебники, ойротские врачи, ойротские женщины-судьи ...

Порою мне кажется, что все то, что происходит вокруг меня, — это сказка; так широко вдруг раздвинулся мир и так изменилась жизнь. Но это не сказка, это — действительность!»

«Была уже глубокая ночь, когда Адыок кончил свой рассказ, — пишет Ф. К. Вайскопф, — над снежными вершинами стояла и лила свой серебряный свет полная луна. На ветвях кедров висели медные шишки, словно неведомые плоды. Царские свечи¹⁵, высотой с человека, и папоротники слегка клонились под дуновением ночного ветра. А рядом с нами лежал человек, рассказавший нам свою историю: товарищ Безымянный. Один из многих безымянных, которые открыли на Востоке новую страницу истории».

В следующем отрывке приводится рассказ врача, имя которого осталось неизвестным Вайскопфу, о быстро меняющейся жизни алтайского села.

«В Улагане, центре самого отдаленного и труднодоступного аймака, мы очень много слышали о молодом враче, который является первым и пока единственным там медиком. Нам показывали временный госпиталь, который он устроил в бывшем доме священника, а также леса, возведенные над больницей, которая строится по его планам. Однако нам не удалось повидать его самого: за несколько дней до нашего приезда он был вызван к беременной женщине [...]

А вот и он! Из-за жертвенного камня выходит худенький молодой человек в слишком больших для его роста сапогах. Он знает, кто мы такие, потому что «табыш» о нашем прибытии дошел до Улагана задолго до нас. Он протягивает нам обе руки, восклицая:

— Это чудесно, что я вас еще застал! Я так радовался, что приехали гости из Европы[...]

[...] Он приехал сюда сразу после окончания университета из большого города, с Волги. Здепние места, люди, взаимоотношения казались ему более чем странными; они казались ему дикими и враждебными.

«Улаган и сейчас, — рассказывает врач, — самый отсталый район Ойротии, но разве можно сравнить его с тем, каким он был три года назад! Сейчас у нас 16 школ, 10 ликбезов, один временный госпиталь, два пункта неотложной помощи, две станции помощи роженицам, детский дом, кооперативы, почтовые отделения, агрономические консультации, ветеринарные пункты, детские ясли, курсы повышения квалификации. Три года назад этого ничего не было... На сто человек только один был грамотным; девять десятых населения были кочевниками; народ не знал даже, что такое телега и как запрыгать лошадь... До моего приезда больных лечили камы, шарлатаны и в очень редких случаях — фельдшеры».

Сообщая о своих трудностях первых лет, врач рассказывает: «На меня очень сердились за то, что я не давал сейчас же лекарств, а хотел сначала осмотреть больного. Но в то время осмотреть пациента, который пришел на прием, не представлялось возможным еще и потому, что люди отказывались раздеваться. Приходилось часами говорить с ними, чтобы они поняли, что врач не волшебник и не может видеть сквозь одеж-

¹⁵ Растение, называемое также лучинником.

ду. Тем не менее в первое время очень многие, особенно женщины, все-таки не соглашались раздеваться; они садились на коня и уезжали прочь».

Теперь, по словам врача, все изменилось. Теперь каждый знает благодаря «табышу», что у врача нужно раздеваться: только тогда он сможет помочь. Иногда даже человек, приехавший звать доктора к больному, тут же начинает раздеваться.

«Впрочем, страх перед раздеванием был не единственной и не главной трудностью, с которой нужно было бороться. Гораздо сложнее было победить распространенный предрассудок, будто бы врач, так же как и кам, либо вылечит больного сразу, либо ничем не сможет ему помочь. Люди требовали, чтобы я в течение одного — двух часов превратил их из больных в здоровых — на более продолжительное лечение они не соглашались».

Однако ряд благоприятных результатов лечения и особенно одна удачная операция помогли молодому энтузиасту завоевать себе доверие. «Это была первая операция, которую я должен был сделать через три или четыре недели после моего приезда. Кесарево сечение. Даже сегодня мне страшно вспомнить, при каких условиях мне пришлось производить операции в то время: моими ассистентами были две наспех и очень поверхностно обученные мною медсестры, с которыми я с трудом мог объясняться. Операционного стола не было; вместо него мы пользовались большим сундуком. Я кипятил инструменты в чайнике. Тампоны и бинты находились в коробке, подвешенной к дереву. Операция производилась под открытым небом, как это бывает во время войны на перевязочном пункте. Но хуже всего было то, что у меня абсолютно не было хирургического опыта: я ведь только что окончил университет. Как делают кесарево сечение, я никогда даже и не видел. Все мои познания я черпал из карманного руководства по хирургии, в котором я перед операцией несколько раз прочел главу о кесаревом сечении. Работа врача все еще очень сложна», — продолжал рассказчик.

«Я должен вырывать зубы, лечить детские болезни, накладывать шипы на сломанные кости, ликвидировать экзему. Мне приходится совмещать в одном лице терапевта, хирурга, невропатолога и гинеколога. Я должен выступать с докладами о «санитарном минимуме» и готовить акушерок. Я должен руководить строительством новой больницы и обследовать фельдшерские пункты. Я должен изготовлять мази, регистрировать выданные медикаменты в особой книге и посылать отчеты в Ойрот-Туру. В течение месяца я должен принять 300 пациентов и около 20 человек посетить на дому. Бывает, что к больному нужно ехать за 100 км, при этом два дня пропадают для какой-либо другой работы, и потерянное время приходится наверстывать ночами».

Быть пионером? Вести борьбу на передовой линии? Все это я уже слышал, и это действительно хорошо. Чувствуешь, что ты нужен, полезен, что ты служишь большому, бурно растущему делу; это — прекрасное чувство. Но порою хочется хотя бы часок иметь для себя, почитать книгу — нет, не роман, так далеко мои желания не простираются — прочесть научный труд. Ведь хочется быть в курсе выходящей литературы, пополнять свои знания... А впрочем, что я говорю? Будет у нас время и для чтения, даже для чтения романов. Ждать нам осталось не так уж долго. Еще года два, и все будет в порядке! У нас будут новые кадры — врачи, инженеры, аптекари, механики. Люди вокруг так растут. Поднимаются снизу. Повсюду. Растут, говорю я вам, растут! И если вы приедете сюда еще через пару лет ...».

Обрывая речь врача в середине фразы, Вайскопф тем самым подчеркивает, что все уже сказано: бурный рост алтайских сел налицо, и можно не сомневаться, что через несколько лет перемены будут еще более разительными. Этот оптимизм передавался и Вайскопфу, который как подлинный друг Страны Советов радовался каждому ее успеху. Вспоминая впоследствии путешествие 1932 г., Грета Вайскопф писала о своем муже: «Франц был в восторге от человеческого труда и техники. Он мог внезапно остановиться и, словно юноша, жаждущий познаний, всматриваться, как искусно возводятся леса, асфальтируется улица, грузится пароход, пускается в ход машина. Я как сейчас вижу его в Магнитогорске, как он вместе с комсомольцами пляшет от радости, что из доменной печи в желоб потекла первая струя выплавленного железа»¹⁶.

Ф. К. Вайскопф испытывал особенное удовлетворение, видя успешное разрешение в СССР национального вопроса. Он хорошо помнил довоенную Австро-Венгрию. Ее на-

¹⁶ G. W e i s k o p f. Nachwort, S. 246.

роды тоже издавна тяготели друг к другу. Однако в условиях капиталистического строя они не смогли создать федерацию на началах равенства и братства, и «лоскутная империя» распалась. Советский Союз демонстрировал возможность создания на месте царской «тюрьмы народов» многонационального государства нового типа.

Алтайские впечатления Вайскопфа наслаивались на его более ранние наблюдения: он уже был в СССР в 1926 г., причем посетил отдельные города, в которых жило и успешно сотрудничало более двух десятков национальностей¹⁷.

Талантливый рассказ Вайскопфа о его путешествии на Алтай представляет для нас сейчас интерес в нескольких отношениях. Во-первых, в нем конкретно, с документальной точностью отражены грандиозные перемены в быте и культуре одного из народов нашей страны, совершившиеся за годы Советской власти. Показано, как алтайцы, подвергавшиеся эксплуатации со стороны зайсанов, баев, христианских миссионеров и правительственных чиновников царской России, с помощью более развитых народов СССР, и прежде всего русского народа, приступили к ликвидации вековой отсталости. Во-вторых, документ, оставленный нам Вайскопфом, является ярким свидетельством братских чувств зарубежного пролетариата к нашей стране. Наконец, алтайские записи Вайскопфа дают богатый материал для биографии как самого писателя, так и видного деятеля культуры алтайского народа П. В. Кучияка, дружба которых была глубоко символичной.

Вернувшись из СССР в Германию, Вайскопф вскоре был выслан захватившими власть фашистами из Берлина, жил некоторое время в Праге, но после Мюнхенского сговора и капитуляции правительства Бенеша эмигрировал в Париж. Вторая мировая война заставила его надолго задержаться в США, куда он приехал для участия в конгрессе прогрессивной Лиги американских писателей. Только после разгрома германского фашизма Ф. К. Вайскопф и его жена возвратились в родные места и стали гражданами ГДР. П. В. Кучияк умер в 1943 г. Ф. К. Вайскопф, проживший до 1955 г., вероятно, так и не узнал, что П. В. Кучияк подробно описал путешествие своих зарубежных друзей в книге «Первые гости Ойротии»¹⁸. Напечатанный на алтайском языке, этот репортаж остался неизвестным также и биографам Вайскопфа. Из книги Кучияка видно, что Вайскопф, путешествуя по Алтаю, отнюдь не был простым созерцателем окружающего: он постоянно выступал на митингах и собраниях (колхозных, профсоюзных и других), встречался с пионерами, посещал семьи колхозников и вел с ними задушевные разговоры у костра. Отвечая на многочисленные вопросы, Вайскопф разъяснял алтайцам смысл и значение совершавшихся в мире событий и сосредоточивал их внимание на преимуществах советского строя. Документально точный рассказ Кучияка (напоминающий протокольную запись) служит важным дополнением к книге Ф. К. Вайскопфа. Для Кучияка создание данной работы, которую он называл своей первой книгой «о жизни» (т. е. о действительных, невыдуманных событиях), было партийным долгом. «Слово наших гостей-коммунистов, — пишет П. Кучияк в предисловии, — смогли услышать не все трудящиеся Ойротии», а ему представлялось необходимым сделать его достоянием широких масс¹⁹.

Выступая на слете профсоюзных активистов совхозов и колхозов Алтая, который состоялся в Чемале 2 июля 1933 г., Ф. К. Вайскопф начал свою речь словами:

«Товарищи! Мне кажется, что я сейчас самый счастливый человек на свете. Почему? Земля, на которой я сейчас стою, раньше была колонией. Слов нет, очень отсталой была здесь жизнь. А сейчас здесь село, жители которого становятся на рельсы социалистического строительства».

В другом выступлении — на митинге в селе Шебалино, состоявшемся 7 июля, — Вайскопф поделился своими впечатлениями о пребывании в СССР, где он находился уже в течение трех месяцев. Упомянув о том, что ему встречались люди, не понимавшие грандиозности совершающихся перемен и видевшие только трудности, он сказал:

¹⁷ F. C. Weiskopf. Umsteigen ins 21. Jahrhundert.

¹⁸ П. Кучияк. Ойротты бапкы айылчылары. Ойрот-Тур, 1933. (Название книги дается нами в современной алтайской транскрипции).

¹⁹ Здесь и далее цитируется рукописный перевод книги П. Кучияка, любезно выполненный по моей просьбе специалисткой по алтайской литературе (уроженкой алтайского села) З. С. Казагачевой. Выступления Ф. К. Вайскопфа даются по этой книге.

«Товарищи, вам никогда не следует забывать о том, что трудности кризиса и трудности роста — разные вещи. Когда у ребенка режется зуб, у него болит животик, болят десны. В таких случаях мать говорит ему: «Не плачь, детка, у тебя растет зуб. Когда зуб вырастет, ты сможешь есть любую пищу». Но есть зубная боль другого рода. Она бывает у стариков 70—80 лет. У них начинают выпадать зубы, а новых уже не растет. Каждый старик это знает. Вот поэтому вы свои трудности не должны смешивать с трудностями капитализма, который не растет, а напротив — теряет последнее. Не сходите со своей дороги! Эта дорога верная, светлая. Сейчас вам трудно, но это трудности предстоящей победы. Без них невозможно построить новую жизнь».

В то время многие алтайцы еще не знали русского языка, и речи Вайскопфа, произнесенные по-русски, необходимо было переводить на алтайский язык. Эту обязанность взял на себя П. В. Кучияк. Обладая феноменальной памятью (характерная черта народов, не имевших до недавнего времени письменности), он мог воспроизвести целую речь даже по прошествии значительного времени. Он привел в своей книге и вопросы, которые взаимно задавались алтайцами и их гостями, а также полученные ответы. Так, например, по дороге в недавно созданный Шебалинский оленеводческий совхоз, куда Вайскопф и Веддинг ездили вместе с районным активом, кто-то спросил Вайскопфа: что пишут капиталисты в своих газетах о нашей стране? Почему коммунисты Германии до сих пор не стоят во главе правительства? Отвечая на эти вопросы, Вайскопф в заключение сказал: «Придет время, и власть будет в наших руках. Я ни минуты не сомневаюсь в этом». Эти пророческие слова Кучияк выделил в своей книге курсивом.

Отдельными штрихами Кучияк рисует личное поведение своих друзей (которых называет, как и они его, по именам). Они не позволяли, чтобы их кто-то обслуживал: сами расседывали и поили коней, первыми собирали хворост, разжигали костер, а во время путешествия на лодке по Телецкому озеру вместе со всеми гребли до пота лица. Кучияка поразило их самообладание в трудные моменты путешествия. Так, проезжая верхом на головокружительной высоте над долиной Чолушмана, гости несколько не растерялись и даже не спешили во время спуска, в то время как даже у бывалых людей в этих местах нередко кружилась голова.

В Улагане, одном из последних пунктов поездки, на встречу с гостями (13 июля) собрались колхозники из всех окрестных сел. После собрания, проходившего очень организованно, присутствовавшие поручили Кучияку составить от их имени приветствие трудовому народу Германии.

Супруги Вайскопф не смогли побывать на Алтае еще раз. Но их соотечественники из ГДР, посетившие эти места теперь, убеждаются в том, что мечты врача из Улагана, мечты алтайцев и их друзей полностью осуществились. Вот что пишет в журнале «*Horizont*» журналистка Хельга Витте, побывавшая на Алтае в 1972 г.:

«Когда 40 лет назад первые иностранные гости посетили Ойротию, им было труднее, чем мне. Писатель и журналист Ф. К. Вайскопф и его жена, Алекс Веддинг, ехали верхом по труднопроходимым тропам Ак-Алтая, по сверкающим белизной алтайским горам, чтобы познакомиться с народом, большая часть которого в то время еще вела кочевой образ жизни. Я же путешествую по этим изумительно красивым местам в «джипе», пользуясь благоустроенным шоссе»²⁰.

Х. Витте сообщает, что алтайцы (составляющие сейчас около 50 тыс. человек) стали оседлым народом. Они живут в просторных, светлых домах. Во многих деревнях имеются средние школы, хорошие кинотеатры, а нередко даже водопровод. Расширяется сеть шоссежных дорог, улучшаются транспортные средства.

Животноводство — главная отрасль хозяйства Горного Алтая — сделало огромные успехи с конца 1920-х годов. Х. Витте показывает это на примере оленеводческого совхоза «Шебалино» (который посетили в свое время Вайскопфы). По ее сведениям, этот совхоз был основан на месте частной фермы, существовавшей до 1929 г. В ней было всего 150 оленей, рога которых (панты) вывозились в Монголию и Китай, так как алтайцы не умели производить из них целебный пантокрин. Теперь в совхозе имеются 1500 маралов, 2000 пятнистых оленей, десятки тысяч овец и других животных. Разведение маралов производится на научной основе. Пантокрин и другие медикаменты изготов-

²⁰ H. W i t t e. Fahrt in die Goldenen Berge.—«Horizont», 1972, № 5, S. 16—17.

ляются теперь на месте. Усложнилось и расширилось производство других продуктов животноводства. В совхозе работает 1000 человек — алтайцев, узбеков, украинцев и русских.

В Горно-Алтайске Х. Витте встретилась с дочерью П. В. Кучияка, Розой Павловной, которая заведует областной библиотекой, насчитывающей 145 тыс. томов. Немецкая журналистка невольно вспомнила юрту-передвижку, которую создал в 20-х годах П. В. Кучияк. Характеризуя культурную жизнь Горно-Алтайской автономной области, Х. Витте отмечает, что в этой области имеются Педагогический институт (насчитывающий более 4 тыс. студентов) и различные техникумы, в том числе медицинский. При желании алтайская молодежь поступает в вузы Барнаула, Новосибирска и других городов. В Горно-Алтайске создан Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

В дополнение к сведениям, сообщаемым Х. Витте, следует отметить, что коллектив Горно-Алтайского научно-исследовательского института, состоящий из одних алтайцев, поддерживает тесные связи с Академией наук СССР. Большое внимание он уделяет сбору и записи (как правило, на магнитофон) народных песен, сказок и пословиц²¹. В этом отношении алтайские ученые следуют примеру П. В. Кучияка, который, собирая фольклор, старался «не обронить ни одного лепестка и не помять ни одного стебля»²². В настоящее время научная общественность Горного Алтая готовит к печати труды П. В. Кучияка и сборник воспоминаний о нем его друзей, знакомых и коллег. Алтайские главы из книги Ф. К. Вайскопфа «Будущее в строительных лесах» займут в этом сборнике почетное место.

Таков итог активной хозяйственной, политической и культурной работы, развернувшейся на Горном Алтае в результате образования 50 лет назад Союза Советских Социалистических Республик и включения в РСФСР (в качестве составной части Алтайского края) Горно-Алтайской автономной области.

²¹ См. Е. И. Дружинина. Краеведы Горного Алтая. — «История СССР», 1969, № 2.

²² Из письма П. В. Кучияка Е. И. Дружининой от 17.XII.1937 г. — «Сибирские огни», 1967, № 5, стр. 154.